

Анна Преображенская

ПУСТАЯ

Анна Преображенская
Пустая

«Автор»

2026

Преображенская А.

Пустая / А. Преображенская — «Автор», 2026

В мире, где магия есть у каждого, Ива родилась пустой. Её презирают. Её боятся. Собственные родители отреклись от неё в день, когда она должна была обрести силу. Но в Запретном Лесу, куда не смеют заходить даже великие маги, Ива находит то, что изменит всё. То, чего мир боялся две тысячи лет. То, что назовёт её своей хозяйкой. Когда грань между светом и тьмой сотрётся, а величайший враг предложит ей не бой, а союз, Ива должна будет решить: кто она — изгнанница, мстительница или королева? Пустота — это не отсутствие силы. Пустота — это дверь. И она открывается.

© Преображенская А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Полнолуние	5
Глава 2. Дом на поляне	8
Глава 3. Три луны	12
Глава 4. Страж Глубины	16
Глава 5. Замок в Глубине	19
Глава 6. Голос воздуха	22
Глава 7. Глаза, что видят суть	26
Глава 8. Корни и камни	30
Глава 9. Кровь и пепел	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анна Преображенская

Пустая

Глава 1. Полнолуние

Иве исполнилось шестнадцать в середине месяца Желтых Листьев. День рождения она провела одна в своей каморке под крышей, глядя, как пылинки танцуют в солнечном луче. Никто не пришёл. Никто не поздравил. В Эфемерисе дни рождения отмечали только до двенадцати — потом дети переставали быть просто детьми и начинали ждать. Ждать первого полнолуния после шестнадцати. Ждать Обряда. Ждать Искру.

Ива тоже ждала. Она ждала всю жизнь, и с каждым годом ожидание становилось всё тяжелее, словно ей на плечи клали по одному камню. Шёпот. Мерцание. Тяжесть. Кровь. Четыре стихии. Четыре пути. Четыре типа Искр, о которых рассказывали в школе. Учительница говорила, что Искра — это не просто дар, а отражение души. Значит, уже через месяц Ива наконец узнает, кто она такая.

Через месяц наступило полнолуние.

Обряд проходил на Холме Проводников, за деревней. Круг из белого камня, выложенный так давно, что никто уже не помнил, чьи руки его сложили. В центре — плита с углублениями для свечей. Вокруг — вся деревня Шелест. Ива стояла босая на холодном камне, в белой рубашке, и полная луна висела над ней, круглая и равнодушная.

Главный Проводник Эзра обходил её по кругу. Его собственная Искра — золотистый филин — сидела на плече и вертела головой, разглядывая толпу.

Родители Ивы стояли в первом ряду. Мать теребила край платка. Отец скрестил руки на груди и глядел исподлобья. Он всегда так глядел, сколько Ива себя помнила. Словно ждал, что она сделает что-то не то.

— Ива из рода Ветров, — возгласил Эзра. — Сегодня, под светом полной луны, ты обретёшь свою Искру. Стихия отзовётся тебе. Прими свой дар.

Толпа загудела. За спинами зажглись чужие Искры. Ива зажмурилась. «Пожалуйста, — подумала она. — Пожалуйста, пусть будет хоть что-нибудь. Самое маленькое. Самое слабое. Я не прошу многого. Пусть будет бабочка. Или светящийся жук. Или просто огонёк».

Эзра коснулся её лба холодными пальцами. Зашептал слова-ключи. Древние. Тяжёлые. Они падали в тишину, как камни в воду.

Минута.

Две.

Ива открыла глаза. Вокруг неё не было ничего. Ни искры. Ни света. Ни тени.

Эзра отдернул руку. Его лицо изменилось. Сначала — непонимание. Потом — страх. Потом — брезгливость. Такая, какую не скроешь.

— Пустая, — сказал он. И отступил на шаг.

Толпа ахнула. Кто-то вскрикнул. Кто-то засмеялся — нервно, коротко, и осёкся. Ива стояла в центре круга и чувствовала, как внутри неё разверзается пропасть. Не магия. Не дар. Просто ледяная, звенящая пустота.

Она повернулась к родителям. Мать смотрела на неё так, словно увидела незнакомку. А потом опустила глаза и попятилась. Отец развернулся и пошёл прочь, расталкивая толпу плечом. Мать — за ним. Ни слова. Ни взгляда.

Ива осталась одна.

Она не помнила, как сошла с каменного круга. Ноги сами несли её прочь. Кто-то протянул руку — она не заметила. Кто-то что-то крикнул — она не услышала. В ушах звенело. В глазах плыло.

Она побежала.

Бежала через деревню, мимо домов с зажжёнными окнами, мимо колодца, мимо школы. Чужие Искры мелькали за заборами — разноцветные, тёплые, живые. Ни одной пустой души вокруг. Только она. Всегда была только она.

Дома её не ждали.

Калитка была закрыта. На ней белела записка, приколотая булавкой. Всего одно слово, торопливое, косое, написанное дрожащей рукой.

«Уходи».

Ива сорвала бумажку. Скомкала. Бросила в пыль. Потом развернулась и пошла обратно. Мимо деревни. Мимо околицы. Мимо частокола.

В Запретный Лес.

Лес начинался сразу за последним полем. Высокие стволы уходили в небо, кроны смыкались над головой. Здесь всегда было тихо. Не просто тихо — глухо. Чужие Искры тускнели за границей леса, и ни один маг не ходил сюда без крайней нужды. Ива бывала здесь часто. Здесь её пустота не чувствовалась так остро. Здесь все были одинаково бездарны.

Она шла, не разбирая дороги. Ветки хлестали по лицу. Корни цеплялись за ноги. Она не замечала.

Потом силы кончились.

Ива упала под старым дубом, прижалась спиной к шершавому стволу и разревелась. Слезы текли по щекам, горячие, солёные, бесконечные. Она плакала о матери, которая не оглянулась. Об отце, который ушёл первым. О деревне, где все были целыми, а она — бракованной. О мире, который обещал ей дар, но не дал ничего.

— Ничего, — прошептала она, давясь рыданиями. — Ни-че-го.

И тут её ладонь, лежащая на земле, коснулась чего-то гладкого и холодного.

Камень.

Ива открыла заплаканные глаза. Чёрный, идеально гладкий камень лежал у корней дуба, наполовину вросший в мох. В лунном свете он казался бездонным. Он не мерцал, как всё вокруг в Эфемерисе. Не искрился. Не дышал магией. Наоборот — он поглощал свет. Луна над головой словно потускнела, когда Ива взяла его в руку.

Холодный. Очень холодный. Но ладони стало легче.

Ива сжала камень в кулаке и снова заплакала. На этот раз — молча. Слезы капали на чёрную гладкую поверхность и исчезали без следа, словно камень пил их.

А потом он заговорил.

Не словами. Не голосом. Образом. Вспышкой. Ива увидела себя — взрослую, в чёрном плаще, стоящую на вершине горы. Вокруг бушевала буря. Молнии рвали небо. А в её руках клубилась тьма — живая, тёплая, послушная. Она не просила. Она приказывала. И мир склонился перед ней.

Видение погасло.

Ива судорожно вздохнула и разжала пальцы. Камень лежал на ладони. Маленький. Чёрный. Никакой молнии. Никакой бури. Тишина. Только сердце колотилось где-то в горле.

Она не знала, что это было. Предсказание? Издевательство? Безумие, рождённое болью? Но впервые за этот чудовищный день ей стало тепло.

Ива вытерла слёзы рукавом и посмотрела на камень ещё раз. Потом сунула его в карман и поднялась.

— Хорошо, — сказала она вслух. — Значит, так.

И пошла обратно. Не к деревне. Вглубь леса. Туда, где не было чужих Искр. Где пустота не была проклятием. Где можно было дышать.

Где-то в вышине заухал филин. Полная луна равнодушно освещала путь.

Глава 2. Дом на поляне

Глава 2. Дом на поляне

Ива стояла перед калиткой и не верила своим глазам.

Поляна была идеально круглой, словно её очертили циркулем. Высокая серебристая трава доходила до пояса. За ней виднелись аккуратные грядки, теплица из слюдяных пластин, несколько плодовых деревьев и крепкий дом из тёмного дерева. Из трубы вился дымок. Где-то за домом кудахтали куры.

Мастер Корень стоял на крыльце, скрестив руки на груди, и смотрел на неё так, словно ждал.

— Долго же ты шла, — сказал он. — Я уж думал, не дойдёшь.

— Вы знали, что я приду? — голос у Ивы был хриплый после вчерашних слёз.

— Знал. Когда старый Эзра объявил тебя пустой, я сразу понял: эта девочка слишком умна, чтобы топиться в речке. — Старик сплюнул на траву. — Ты пошла в лес. Правильно сделала.

Ива стояла, переминаясь с ноги на ногу. В горле снова подступил ком.

— Мне некуда идти, — сказала она. — Родители Они написали «уходи». На калитке.

— Знаю, — кивнул Мастер Корень. — У меня пока поживёшь. Три дня. А там посмотрим.

Он развернулся и зашёл в дом, оставив дверь открытой. Ива постояла секунду и шагнула за ним.

Первый день прошёл как в тумане.

Мастер Корень выделил ей комнату на втором этаже, под самой крышей. Маленькую, но чистую. В углу стояла узкая кровать, застеленная лоскутным одеялом. У стены — старый шкаф с резными дверцами. На окне висели занавески из небелёного льна.

— Располагайся, — сказал старик. — А потом спускайся в огород. Без дела сидеть не дам.

Ива работала до заката. Полола грядки, таскала воду из ручья, подвязывала плети огурцов. Руки быстро покрылись мозолями, но это было даже хорошо — физическая боль отвлекала от той, что сидела внутри. Мастер Корень работал рядом и помалкивал. Только иногда бросал короткие указания: «глубже», «левее», «не ленись».

Вечером он накормил её супом из корней и отправил спать. Ива легла в незнакомую кровать, сжала в кулаке чёрный камень и провалилась в сон без сновидений.

На второй день к полудню пришли первые покупатели.

Ива как раз выдёргивала сорняки у грядки с какими-то сизыми клубнями, когда на поляну вышли две женщины из деревни. Одну она узнала — это была травница Марта, полная и громогласная. Вторую Ива видела впервые.

Женщины подошли к крыльцу, где Мастер Корень раскладывал товар: пучки сушёных трав, мешочки с семенами, банки с мёдом, корзины с овощами. Увидев Иву, Марта замерла. Её Искра — маленькая пёстрая пичуга, сидевшая на плече, — вспорхнула и тревожно зачирикала.

— Это что такое? — спросила Марта, тыча пальцем в сторону Ивы. — Пустая? Здесь?

— Здесь, — спокойно ответил Мастер Корень. — Помогает по хозяйству. Тебе какое дело?

— Какое дело? — Марта отступила на шаг. — Она же проклятая! У неё нет Искры! От таких жди беды!

— Беда от тебя самой, Марта, если ты медовые леденцы жрёшь без меры, — отрезал старик. — Девочка работает. Не нравится — иди в другую лавку. Если найдёшь.

Марта побагровела, но ушла, утащив за собой спутницу. Ива стояла, вцепившись в тяпку, и чувствовала, как горят щёки. Мастер Корень посмотрел на неё и сказал:

— Привыкай. Теперь так будет всегда. Люди боятся того, чего не понимают.

Вечером пришёл ещё один покупатель — парень из соседнего хутора, с Искрой-ящерицей на запястье. Он тоже уставился на Иву, побледнел и быстро ушёл, даже не купив то, за чем пришёл. Потом заглянула старуха-знахарка. Эта ничего не сказала, только долго смотрела на Иву подслеповатыми глазами, а потом кивнула — то ли ей, то ли собственным мыслям — и ушла.

Каждый раз Иве хотелось провалиться сквозь землю. Но Мастер Корень делал вид, что ничего не происходит.

На третий день он сказал:

— Хватит в земле копаться. Иди в дом, приведи себя в порядок. А то выглядишь как огородное пугало.

Ива хотела возразить, но старик уже отвернулся.

Она поднялась в свою комнату и впервые за три дня по-настоящему осмотрелась. Шкаф. Она не открывала его до сих пор — просто не было сил. Теперь же потянула резную дверцу на себя.

Внутри висела одежда. Платья, блузки, юбки — аккуратно разложенные по полкам, переброшенные сушёной лавандой. Ива ахнула. Откуда у старого садовника женские вещи? Она провела рукой по ткани. Лён, хлопок, тонкая шерсть. На верхней полке лежали платки и пояса.

Одно платье висело отдельно — фиолетовое, глубокого оттенка, почти такого же, как её глаза. Ива сняла его и долго держала в руках. На подоле, рукавах и в зоне декольте поблёскивала золотая вышивка — тонкие нити складывались в узор из виноградных лоз и крошечных звёзд. Наряд был не просто красивым, а почти царским.

Она скинула грязную рубашку, в которой была с самого Обряда, и надела платье. Ткань легла мягко, обняла плечи, заструилась до щиколоток. Вышивка в свете окна вспыхнула мягким золотом. Платье было чуть великовато, но сидело удивительно ладно.

У стены стояло зеркало — высокое, в деревянной раме, чуть затянутое пылью. Ива протёрла его ладонью и впервые за долгое время посмотрела на себя.

Из зеркала глядела незнакомка.

Высокая, стройная, с длинными чёрными волосами, которые спутанными волнами спадали на плечи. Ива нашла на полке гребень и принялась расчёсываться — медленно, прядь за прядью, пока волосы не заструились гладким шёлком. Лицо у неё было узкое, с тонкими чертами, с высокими скулами и нежной линией подбородка. Большие глаза — тёмно-фиолетовые, почти сиреневые в этом свете — смотрели серьёзно и внимательно. Ресницы длинные, чёрные. Брови вразлёт. И губы — не бледные, а нежно-розовые, как лепестки шиповника.

Ива смотрела и не узнавала себя. Та девочка, что стояла на каменном кругу, была серой, сжавшейся, невидимой. Эта — другая. Живая. Почти красивая.

Она спустилась вниз.

Мастер Корень стоял у стола, перебирая семена. Увидев Иву, он замер. Потом улыбнулся — впервые за три дня по-настоящему.

— Ну вот, — сказал он. — Другое дело. Очень тебе идёт этот наряд. Под цвет глаз.

Ива смутилась и опустила взгляд.

— Откуда у вас всё это? — спросила она. — Платья, юбки Это же женские вещи. И такое роскошное, с золотом.

Старик хмыкнул.

— Люди разные приходят. Не у всех есть монеты. Кто-то меняет вещи на еду. Вот и набирается гардероб. Это платье принесла одна женщина из дальней деревни. Меняла из большой нужды — детей кормить было нечем. Отдала за одну курицу-несушку.

Он вздохнул и покачал головой.

— Кур я своих люблю. Но у неё дома четверо ртов. Пришлось отдать.

Ива провела пальцами по золотой вышивке на рукаве.

— И вы его просто так хранили?

— Ждал, кому пригодится, — сказал Мастер Корень. — Вот и дождался. Носи. Тебе нужнее.

Он порылся в сундуке у стены и достал маленькую плетёную сумочку на длинном ремешке.

— Вот. Положи туда свой камушек. Нечего ему по карманам болтаться.

Ива замерла. Она ни слова не говорила старику о камне. Ни слова.

— Я знаю, что ты его нашла, — сказал Мастер Корень, заметив её взгляд. — Не пугайся. Я много чего знаю. Когда-нибудь расскажу — откуда.

Ива молча достала чёрный камень из кармана старой рубашки и опустила его в сумочку. Та легла на бедро, почти невесомая.

Вечером третьего дня они сидели на крыльце. Солнце клонилось к закату, окрашивая поляну в золотой и медный. Мастер Корень курил трубку. Ива перебирала в пальцах ремешок сумочки.

— Расскажите о себе, — попросила она. — У вас есть Искра? Я никогда её не видела.

Старик помолчал. Потом выдохнул дым и протянул руку.

Из его ладони медленно, неохотно, словно разбуженная от долгого сна, поднялась Искра.

Это был корень. Толстый, узловатый, тёмно-коричневый. Он пульсировал мягким, приглушённым светом, как уголёк под слоем пепла.

— Я из стихии Тяжести, — сказал Мастер Корень. — Моя Искра — Корень. Она даёт мне власть над землёй и растениями. Я чувствую, что происходит под почвой. Знаю, когда сеять и когда собирать. Могу вырастить дерево за ночь. Могу заставить семя проснуться через сто лет после того, как его закопали.

Он убрал руку, и Искра исчезла.

— Поэтому у тебя такой огород, — тихо сказала Ива. — Поэтому к вам все приходят.

— Поэтому, — кивнул старик. — Но это не главное. Главное — не сила, а знание. Можно иметь самую могучую Искру в мире и быть дураком. А можно не иметь ничего и быть мудрее всех.

Ива подумала о чёрном камне в сумочке.

— Вы сказали, что я не пустая, — прошептала она. — Но что же я тогда?

— Узнаешь, — ответил Мастер Корень. — Всеми своё время. А пока — смотри и учись.

Три дня пролетели быстро.

Ива помогала в огороде и слушала. Мастер Корень, против обыкновения, стал разговорчивее. Он водил её между грядок и рассказывал о растениях. Не просто так — а всерьёз, словно ученице.

— Вот это, — он указал на невзрачный серый мох, растущий у корней дуба, — Сонтрава. Если заварить — уснёшь на сутки и проснёшься без всякой хвори. А это — Синий зверобой. Его сок заживляет порезы. Не магические, обычные. Магические раны он не лечит, зато простую царапину затянет за час.

Он шагнул дальше, к грядке с серебристыми стеблями.

— Лунник. Цветёт только в полнолуние. Если положить цветок под подушку — увидишь вещий сон. Только осторожно: сон может быть и страшным. Лунник не врёт, но и не шадит.

Ива жадно впитывала каждое слово. В школе ей рассказывали только о стихиях и Искрах. А здесь, на этой поляне, открывался совсем другой мир. Живой. Настоящий.

— А это, — Мастер Корень остановился у куста с тёмно-красными ягодами, — Кровоцвет. Опасная штука. Три ягоды останавливают кровь. Десять ягод — останавливают сердце. Разница только в дозе. Запомни.

Ива запомнила.

Она училась различать травы по запаху, а коренья — по форме. Узнавала, какие растения дружат друг с другом на грядке, а какие враждуют. И с каждым днём чувствовала себя чуть менее беспомощной.

На закате третьего дня Мастер Корень вдруг сказал:

— Через три луны мы пойдём в Глубину.

Ива подняла голову.

— Куда?

— В самое сердце Запретного Леса. Туда, где лес становится диким по-настоящему. Там живёт тот, кто ждал тебя очень давно.

— Кто?

— Узнаешь, когда придём.

Он выбил трубку о перила и поднялся.

— А пока — живи. Работай. Учись. Три луны — достаточный срок, чтобы подготовиться.

Ива смотрела на темнеющее небо и чувствовала, как камень в сумочке снова становится тёплым. Будто отзывается.

Три луны. А потом — ответы.

Она была готова ждать.

Глава 3. Три луны

Первая луна была лунной тишины.

Ива привыкала. Каждое утро она просыпалась на узкой кровати, смотрела на косые лучи солнца, пробивающиеся сквозь занавески, и несколько секунд лежала неподвижно, вспоминая, где находится. Не дома. Не в деревне. У Мастера Корня. В Запретном Лесу. Пустая.

А потом вставала и шла работать.

Старик не давал поблажек. Огород требовал рук, и Ива вскоре выучила каждую грядку наизусть. Она знала, где растёт лунник, а где — синий зверобой. Знала, какие травы нужно поливать на рассвете, а какие — на закате. Знала, что сорняки с красными прожилками ядовиты и их нужно выдёргивать только в перчатках.

Мастер Корень учил её не как ребёнка, а как равную.

— Смотри, — говорил он, приседая у грядки. — Вот это — Ползучий тимьян. Обычная приправа для супа. Но если сорвать его в новолуние и высушить над огнём из дубовой коры, он открывает внутренний слух. Ты начинаешь слышать то, что говорят на другом конце поля. Полезно, если враги подкрадываются. Правда, действует всего час.

Ива запоминала. Ей нравилось узнавать новое. В школе ей говорили: «Пустые не способны к магии». Но Мастер Корень говорил другое: «Магия — она не только в Искре. Она везде. В земле, в воде, в листьях. Просто у тебя другой путь».

Какой именно путь — он пока не объяснял. Ива не давила. Она ждала.

Покупатели приходили почти каждый день. Одни — за травами. Другие — за овощами. Третьи — за советом. И каждый раз, заметив Иву, они шарахались.

— Она всё ещё здесь? — спрашивали они у Мастера Корня, понижая голос. — Пустая? Не бойтесь?

— Я стар, — отвечал он. — Мне бояться поздно.

Некоторые осмеливались заговорить с Ивой. Травница Марта однажды спросила напрямую:

— Это правда, что у тебя совсем ничего нет?

— Правда, — ответила Ива, не прекращая выдёргивать сорняки.

— И как ты живёшь?

— Так же, как вы. Дышу. Ем. Сплю. — Ива разогнулась и посмотрела Марте прямо в глаза. — Только у меня за спиной не висит светящаяся пичуга.

Марта поджала губы и ушла. Но больше не называла её проклятой.

В конце первой луны Мастер Корень научил Иву различать голоса деревьев.

— Дуб говорит низко, медленно, — объяснял он, стоя у старого исполина на краю поляны. — Он прожил триста лет и никуда не торопится. А берёза — тараторит. Слушай.

Ива приложила ладонь к коре и зажмурилась. Сначала ничего не было. Только ветер. Только шорох листьев. Но потом — будто далёкий шёпот. Не слова. Чувства. Медленные, как течение смолы. Глубокие, как корни.

— Я слышу, — прошептала она. — Он говорит ему спокойно. Ему хорошо.

Мастер Корень кивнул.

— Ты способна слышать, потому что не заглушаешь мир своей Искрой. У магов Искра орёт так громко, что они не слышат ничего вокруг. А ты — слушаешь. Это твой дар.

— Но это не магия, — сказала Ива.

— Это магия, — возразил старик. — Просто другая. Невидимая. Как воздух. Ты пока не умеешь ею пользоваться, но научишься.

Вторая луна была луной вопросов.

Ива больше не плакала. Слезы высохли ещё в первые дни. Теперь внутри неё копилось другое — любопытство, смешанное с глухой обидой. Почему мир так жесток к пустым? Почему её прогнали, как прокажённую? Почему родители даже не оглянулись?

Однажды вечером она спросила об этом Мастера Корня. Они сидели на крыльце. Старик, как обычно, курил трубку. Луна висела над поляной — тонкий серп, похожий на улыбку.

— Почему они меня боятся? — спросила Ива. — Я ведь ничего им не сделала.

— Именно поэтому и боятся, — ответил Мастер Корень. — Представь: ты всю жизнь веришь, что солнце встаёт на востоке. А потом приходит кто-то и говорит, что солнце вообще не встаёт. Это земля вертится. Как ты отреагируешь?

— Рассержусь, — сказала Ива. — Или испугаюсь.

— Вот именно. Ты, Ива, — живое доказательство того, что их мир устроен иначе, чем они думали. Ты — ошибка в их картине мира. А люди ненавидят ошибки.

— Но я не ошибка, — тихо сказала Ива.

— Нет, — согласился старик. — Ты — ответ. Просто они ещё не знают вопроса.

Ива долго сидела молча. Потом спросила:

— А мои родители? Они знали вопрос?

Мастер Корень выпустил кольцо дыма.

— Твои родители — обычные люди. Они любили тебя, пока ты была такой же, как все. А когда ты оказалась другой — их любовь сломалась. Это не твоя вина. Это их слабость.

— Я их ненавижу, — сказала Ива. И сама удивилась тому, как легко это слово сорвалось с губ.

— Не сейчас, — сказал Мастер Корень. — Сейчас ты просто злишься. Ненависть — это другое. Ненависть холодная, как лёд. А у тебя пока кипяток. Дай ему остыть.

Ива не ответила. Но внутри что-то сдвинулось. Будто одна из гирь, висевших на душе, стала чуть легче.

Во вторую луну она начала спрашивать о камне.

— Почему он тёплый? — спрашивала она. — Почему он пульсирует в такт моему сердцу? Почему вы называете его Осколком Хаоса?

— Потому что это он и есть, — отвечал Мастер Корень. — Осколок того, что было до сотворения мира. Таких, как этот, в земле осталось немного. Большую часть перемололи в пыль и вдохнули в первых людей. Так появились Искры. А этот уцелел. Ждал.

— Кого ждал?

— Тебя.

— Откуда вы знаете?

Старик усмехнулся.

— Потому что я тоже когда-то его нашёл. Давно. Лет сорок назад. На том самом месте, где ты сидела и плакала. Но он не отозвался мне. У меня есть Искра. А Осколки Хаоса говорят только с пустыми.

Ива сжала сумочку, в которой лежал камень.

— Значит, я правда не пустая?

— Ты — дверь, — повторил Мастер Корень. — Ты — единственная за много веков, кто может открыть то, что заперли древние маги. Поэтому мы и пойдём в Глубину. Там живёт тот, кто научит тебя пользоваться ключом.

— Кто?

— Потерпи. Скоро узнаешь.

Третья луна была луной подготовки.

Мастер Корень стал строже. Он заставлял Иву запоминать всё подряд: названия трав, свойства кореньев, заговоры от мелких духов, приметы погоды, звёздные карты, повадки лесных тварей. Ива училась быстро — память у неё была цепкая, а желание понять себя пересиливало любую усталость.

— В Глубине, — говорил старик, — магия не работает. Совсем. Даже Искры гаснут. Там нет стихий. Там — только изначальная тьма. Та, что была до всего. И тот, кого мы ищем, живёт в этой тьме уже много веков.

— Он человек? — спрашивала Ива.

— Уже нет. Когда-то был. А теперь — нечто другое. Но он знает ответы. И он ждал тебя. Накануне ухода Мастер Корень разбудил Иву затемно.

— Пора, — сказал он.

Ива оделась быстро, без суеты. Фиолетовое платье она аккуратно сложила в заплечный мешок — в дорогу надела простое серое, с длинными рукавами, и плотные штаны, которые дал старик. Волосы заплела в косу. Сумочку с камнем повесила на пояс, под плащ.

На столе уже стоял завтрак: яйца, хлеб, травяной отвар. Ели молча. Потом Мастер Корень взял посох, накинул плащ и кивнул на дверь.

— Идём.

Они вышли с поляны на рассвете.

Запретный Лес встретил их тишиной. Чем дальше они уходили от дома Мастера Корня, тем гуще становились деревья, тем выше вздымались стволы, тем тяжелее делался воздух. Ива заметила, что старик время от времени кладёт руку на грудь — там, где билась его Искра-Корень.

— Она слабеет? — спросила Ива.

— Да. Чувствует Глубину. Здесь магия стихий уже неохотна. А дальше — совсем уйдёт.

— А мой камень?

— А твой камень, — сказал Мастер Корень, — наоборот, становится теплее. Верно?

Ива прижала ладонь к сумочке. Да. Камень пульсировал теплом, как маленькое сердце. С каждым шагом — всё сильнее.

— Он чувствует дом, — сказал старик. — Он возвращается.

Они шли весь день. Лес вокруг менялся: обычные дубы и ясени уступали место странным, искривлённым деревьям, каких Ива никогда не видела. Их кора отливала сизым, а листья были не зелёными, а серебристо-серыми. Словно кто-то выжал из них цвет.

К вечеру они вышли к оврагу. На дне его, среди папоротников, бежал ручей с чёрной водой.

— Здесь заночуем, — сказал Мастер Корень. — А завтра — Глубина.

Ночью Ива не могла уснуть. Она лежала, завернувшись в плащ, и смотрела на звёзды. Ветви над головой сплетались в узор, похожий на золотую вышивку на подоле её платья. Где-то далеко ухал филин.

Камень на поясе горел теплом.

— Ты готова? — спросил Мастер Корень из темноты.

— Не знаю, — честно ответила Ива. — А что, если я не справлюсь?

— Справишься. Ты сильнее, чем думаешь.

— Откуда вы знаете?

Старик помолчал.

— Потому что сорок лет назад я видел тебя во сне. Стоял на краю Глубины и смотрел, как из неё выходит девочка с чёрным камнем в руках. И мир вокруг неё менялся.

Он вздохнул.

— Я старый. Я прожил жизнь. А ты — только начинаешь. И у тебя впереди дорога, которой нет ни у кого другого.

Ива закрыла глаза. Сон пришёл быстро — глубокий, без сновидений. Только тепло камня напоминало о том, что завтра всё изменится.

На рассвете они перешли чёрный ручей и ступили под своды Глубины.

Глава 4. Страж Глубины

Они перешли чёрный ручей, и мир изменился.

Небо над головой исчезло. Вернее, оно осталось где-то там, высоко-высоко, но кроны деревьев сомкнулись так плотно, что солнечный свет больше не достигал земли. Вместо него воздух наполняло странное серое свечение — ни день, ни ночь, ни сумерки. Вечное «между».

Деревья здесь были огромны. Их стволы уходили вверх на невообразимую высоту, теряясь в серой дымке. Кора была гладкой, как полированный камень, и отливала тёмным серебром. Листья — чёрные, бархатистые, бесшумно колышущиеся без всякого ветра. Ива шла и чувствовала, как с каждым шагом меняется само ощущение реальности. Здесь не было верха и низа. Не было «далеко» и «близко». Всё было одновременно.

Мастер Корень остановился на краю небольшой поляны, заросшей чёрным мхом. Его лицо осунулось, а дыхание стало тяжёлым.

— Дальше я не пойду, — сказал он.

— Почему? — Ива обернулась.

— Моя Искра почти погасла. — Он положил ладонь на грудь. — Глубина не терпит стихийной магии. Если я сделаю ещё десять шагов, мой Корень умрёт. А вместе с ним — и я.

— Тогда возвращайтесь, — быстро сказала Ива. — Я сама.

— Сама? — Старик усмехнулся и снял с пояса флягу. Отпил глоток. — В том-то и дело, что сама. Только ты можешь войти в Глубину. Только ты — пустая. Только тебя тьма примет как родную.

— Но я не знаю, куда идти, — сказала Ива.

— Узнаешь. — Он кивнул на её сумочку. — Камень приведёт. Он уже чувствует хозяина.

Ива прижала ладонь к сумочке. Камень пульсировал — не теплом уже, а почти жаром. Его биение совпадало с ударами её сердца, словно они стали одним целым.

— Кто он? — спросила она. — Тот, кто меня ждёт? Скажите хотя бы имя.

Мастер Корень помолчал. Потом выдохнул, и его дыхание превратилось в облачко пара, хотя воздух был тёплым.

— Его называют Стражем, — сказал он. — Или Хранителем. Или просто Тенью. Он — последний из тех, кто помнит начало. Когда-то, много веков назад, он был одним из древних магов, что заперли Хаос. Но в последний миг он понял, что они совершают ошибку. И остался здесь — добровольно. Чтобы однажды, когда придёт время, помочь той, кто освободит Хаос обратно.

— Почему он не может просто выйти отсюда?

— Потому что он сам — часть Глубины. Он привязал себя к этому месту, чтобы выжить и дожидаться. А теперь иди.

Ива медлила.

— Я вернусь?

— Если захочешь, — сказал Мастер Корень. — Но когда вернёшься, ты уже будешь другой. Ты понимаешь это?

Она кивнула. В горле стоял комок. Она хотела сказать спасибо — за три луны, за кров, за уроки, за то, что не отвернулся, когда отвернулись все. Но слова казались плоскими и ничтожными.

— Идите, — сказала она наконец. — Я справлюсь.

Мастер Корень кивнул. Потом развернулся и пошёл обратно — через чёрный ручей, через серебристые деревья, туда, где ещё оставался свет. Ива смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась в сером тумане.

А потом она осталась одна.

Она шла долго. Несколько часов, а может, несколько минут — в Глубине время вело себя странно. Иногда ей казалось, что она стоит на месте, а мир движется вокруг неё. Иногда — что она идёт уже много дней, а ноги совсем не устали.

Камень в сумочке пульсировал всё сильнее. Он указывал путь — не стрелкой, не голо-сом, а смутным ощущением правильности. Когда Ива сворачивала не туда, он холодел. Когда возвращалась на верную тропу — нагревался снова. Она доверяла ему, как слепой доверяет поводырю.

Лес становился всё более чуждым. Появились светящиеся грибы на стволах — бледно-голубые, пульсирующие в такт её дыханию. Папоротники с чёрными листьями тянулись к ней, когда она проходила мимо, и отстранялись, когда она оборачивалась. В воздухе висел низкий, почти неслышимый гул — как будто сама земля пела.

А потом Ива вышла к озеру.

Оно было круглым, идеально круглым, как зеркало. Вода — чёрная и гладкая, без еди-ной ряби. На поверхности не отражалось ничего: ни деревьев, ни неба, ни самой Ивы. Только пустота. Только тьма.

Посередине озера стояла фигура.

Сначала Ива приняла её за статую — высокую, закутанную в плащ, неподвижную. Но фигура подняла голову, и Ива увидела глаза. Они светились мягким серебряным светом — два огня в темноте.

— Подойди, — раздался голос.

Он звучал не в ушах, а сразу в голове. Глухой, низкий, древний. Так мог бы говорить камень, если бы камни умели говорить.

Ива ступила на воду.

Она не провалилась. Поверхность держала её, как держит земля. С каждым шагом по чёрной глади расходились круги — не светлые, а тёмные, словно тень, расходящаяся по тени.

Она остановилась в нескольких шагах от фигуры. Теперь можно было разглядеть лицо — или то, что от него осталось. Черты были человеческими, но словно размытыми временем. Ни бороды, ни морщин. Просто лицо, которое забыло, как выглядело изначально. Плащ его был не тканью, а живой тьмой, струящейся и колышущейся, как дым.

— Ты пришла, — сказал он. — Я ждал.

— Вы Страж? — спросила Ива. Голос её дрогнул, но она заставила себя стоять прямо.

— Меня так называли. Когда-то. Теперь у меня нет имени. — Он склонил голову набок, разглядывая её. — Покажи.

Ива не сразу поняла, о чём он. Потом расстегнула сумочку и достала чёрный камень. Он горел в ладони, как уголёк, и пульсировал в такт сердцу.

Страж протянул руку. Его пальцы были длинными и бледными, почти прозрачными. Он коснулся камня — и по озеру прошла дрожь. Круги побежали во все стороны, а чёрная вода на миг стала прозрачной, и Ива увидела под ногами звёзды. Не отражения — настоящие звёзды, горящие в глубине.

— Осколок Хаоса, — сказал Страж. — Последний из тех, что уцелели. Я чувствую в нём тебя. И тебя — в нём.

— Что это значит? — спросила Ива.

— Это значит, что ты действительно та, о ком говорило пророчество. — Страж убрал руку, и вода снова стала чёрной. — Девочка, которая родилась без Искры. Девочка, которую назовут пустой. Девочка, которая станет сосудом для самой древней силы в мире.

Ива сжала камень в кулаке.

— Я не понимаю. Почему я? Почему именно я?

— Потому что ты — пустая, — ответил Страж. — И это величайший дар, а не проклятие. Чтобы наполнить сосуд, он должен быть пуст. Чтобы открыть дверь, она должна быть не заперта. Ты — единственная за две тысячи лет, у кого нет Искры. А значит, ты — единственная, кто может вместить Хаос целиком.

Он шагнул к ней. Теперь они стояли совсем близко. Ива чувствовала холод, исходящий от него, но холод этот не пугал — он успокаивал, как прохладная рука на горячем лбу.

— Я могу научить тебя, — сказал Страж. — Но путь будет долгим и тёмным. Ты увидишь то, что не видят другие. Ты узнаешь то, что другие боятся знать. А в конце ты станешь либо спасительницей этого мира, либо его концом.

— Почему я должна хотеть его спасти? — тихо спросила Ива. — Этот мир меня вышвырнул. Родители отреклись. Деревня прокляла. Почему я должна его спасти?

Страж долго смотрел на неё. Его серебряные глаза не мигали.

— Потому что ты злишься, — сказал он наконец. — А злость — плохой советчик. Сначала научись управлять тьмой. А потом реши, что с ней делать. Спасать мир или разрушить. Выбор будет за тобой.

Он отступил назад, и его плащ взметнулся, как крыло.

— Хочешь ли ты учиться, Ива из рода Ветров?

Ива посмотрела на камень в своей ладони. Потом на чёрную воду под ногами. Потом на серебряные глаза Стража.

— Да, — сказала она. — Хочу.

— Тогда начнём.

Озеро под ними вздрогнуло. Вода расступилась, уходя вниз ступенями, которых не было мгновение назад. В глубине открылся проход — туннель из тьмы, ведущий куда-то под землю, в самое сердце Глубины.

— Иди за мной, — сказал Страж.

И Ива пошла.

Глава 5. Замок в Глубине

Ступени кончились, и Ива вышла на берег подземного озера. Но теперь всё было иначе, чем в её первый приход.

На том месте, где раньше стояла только тьма, теперь возвышался замок.

Он был чёрным — не мрачным, не зловещим, а спокойно-чёрным, как обсидиан или застывшая ночь. Башни его уходили вверх и терялись в сером свечении, которое здесь заменяло небо. Стены были гладкими, но не пустыми: по ним струились тонкие серебряные прожилки, складываясь в узоры, похожие на письма. Ни факелов, ни окон — только чёрный камень и серебряные нити, пульсирующие мягким светом.

— Это твой дом на время учения, — сказал Страж. — Идём.

Они миновали высокую арку без ворот и вошли во внутренний двор. Здесь было просторно и тихо. В центре двора бил фонтан — но из него текла не вода, а жидкий серебряный свет, медленный и густой. Он стекал в бассейн и исчезал в нём без брызг.

Из боковой двери вышли две фигуры.

Ива замерла. Это были не люди — фигуры состояли из тёмного дыма, густого и клубящегося. Они двигались бесшумно, струились над полом, и только в верхней части у них были лица — белые треугольные маски без глаз и рта. Только гладкий фарфор.

— Слуги, — сказал Страж. — Тени, получившие форму. Они не живые и не мёртвые. Просто делают свою работу. Не бойся их.

Одна из фигур приблизилась и поклонилась Иве — низко, плавно. Треугольная маска на мгновение блеснула в серебряном свете фонтана.

— Привет, — сказала Ива. Собственный голос показался ей чужим.

Тень выпрямилась и заструилась прочь. Вторая последовала за ней.

— Они проведут тебя в твою комнату, — сказал Страж. — Ты устала с дороги. Приведи себя в порядок, поешь, поспи. А завтра начнём.

Комната Ивы находилась в западной башне.

Тень с белой маской открыла перед ней дверь и отступила, растворяясь в коридоре. Ива перешагнула порог и ахнула.

Комната была огромной. Высокий потолок терялся в полумраке. У стены стояла широкая кровать с пологом из тёмного бархата — не чёрного, а глубокого фиолетового, почти такого же, как её платье. На кровати лежали подушки всех размеров. Рядом — резной столик, на нём кувшин с водой и чаша с фруктами.

Дальше была ванная комната. Настоящая ванная — с большим бассейном, выложенным гладким камнем, и водой, которая мягко светилась изнутри. Пар поднимался над поверхностью, пахло травами: лавандой, розмарином и чем-то ещё, незнакомым, но успокаивающим.

Ива скинула пропылённую одежду и опустилась в воду. Тепло обняло её, проникло в каждую мышцу, в каждую косточку. Она закрыла глаза и просто лежала, чувствуя, как смывается усталость трёх дней пути. Как растворяется напряжение. Как камень на поясе — она сняла сумочку и положила рядом, на бортик — пульсирует ровно и спокойно.

«Я в замке, — думала она. — В замке в сердце Глубины. Меня ждут слуги из дыма. А завтра я буду учиться управлять тьмой».

Это было невероятно. Это было невозможно. Но это происходило.

Когда она вышла из ванны, на кровати уже лежала чистая одежда. Не та, что она принесла с собой, а новая: мягкое платье из тёмно-серой ткани, лёгкое, но тёплое, и тапочки, расшитые серебром. Ива оделась, расчесала мокрые волосы и села на край кровати.

Тень принесла ужин. На подносе были: суп из незнакомых грибов, тёмный хлеб, запечённая рыба, травяной отвар. Ива ела медленно, смакуя каждый кусок. Вкус был странным, но приятным — словно еда была не просто едой, а чем-то, что восстанавливало силы глубже, чем обычная пища.

Потом она легла.

Перина была мягкой, как облако. Подушки пахли сушёными травами. Ива смотрела на серебряные прожилки, бегущие по потолку, и чувствовала, как веки тяжелеют.

«Завтра», — подумала она.

И уснула.

Утро в Глубине ничем не отличалось от ночи — то же серое свечение за окном, та же тишина, нарушаемая только гулом далёкого фонтана. Но Ива проснулась отдохнувшей, впервые за много дней.

Тень проводила её в трапезную — длинный зал с чёрным столом и такими же чёрными стульями. Страж уже сидел там. Перед ним стояла чаша с тёмным отваром, от которого поднимался пар.

— Садись, — сказал он. — Ешь. Занятия начнутся, когда будешь готова.

Ива села. Другая тень принесла ей завтрак. Она ела и разглядывала зал. Стены здесь были покрыты резьбой — не узорами, а письменами на незнакомом языке. Буквы были угловатыми, острыми, похожими на трещины.

— Что здесь написано? — спросила она.

— История Хаоса, — ответил Страж. — Первые слова, которыми мир описал сам себя. Ты пока не сможешь их прочесть. Но однажды сможешь.

Зал для занятий находился в самом сердце замка.

Это было огромное круглое помещение, перекрытое куполом. Купол был прозрачным — или казался прозрачным — и сквозь него виднелась та самая Печать, огромный чёрный шар, парящий где-то над замком. Пол был гладким, как зеркало. На стенах висели странные предметы: диаграммы, карты незнакомых миров, инструменты из кости и камня, пучки сушёных трав, светящиеся кристаллы.

— Это место, — сказал Страж, входя, — древнее, чем сам Эфемерис. Когда-то здесь собирались первые маги. Они изучали стихии и учились управлять ими. А потом — заперли Хаос и ушли, бросив этот зал.

Он развёл руками.

— Теперь он твой. Здесь ты будешь учиться.

Ива прошла по залу, касаясь предметов. От каждого исходило слабое, едва уловимое тепло — следы давно ушедшей магии.

— А библиотека? — спросила она. — Вы говорили о библиотеке.

— Идём.

Он провёл её через боковую дверь в длинный коридор, а затем — в другой зал, поменьше, но не менее величественный. Стены здесь были уставлены стеллажами от пола до потолка. Книги, свитки, глиняные таблички, медные пластины с выгравированными знаками. Тысячи и тысячи.

— Библиотека тайных знаний, — сказал Страж. — Здесь собрано то, что маги не хотели оставлять в мире. То, что было признано слишком опасным, слишком тёмным или просто слишком непонятным. Ты можешь читать здесь всё, что захочешь. Но будь осторожна: некоторые книги сами читают читателя.

Ива провела пальцами по корешкам. Они были холодными. Некоторые — обжигающе холодными.

— Я буду осторожна, — пообещала она.

В полдень — или в то, что в Глубине считалось полуднем, — Страж собрал её в главном зале.

— Ты освоилась, — сказал он. — Пора познакомить тебя с теми, кто будет помогать в обучении.

Он поднял руку. Тьма в углах зала сгустилась. Ива услышала шаги — не шорох, а настоящие, тяжёлые шаги, от которых дрожал пол.

Из четырёх дверей, которых Ива раньше не замечала, вышли четверо.

Они были огромны. Вдвое выше обычного человека. Их фигуры напоминали человеческие, но были словно сотканы из самих стихий.

Первым шёл тот, кто состоял из воздуха и звука. Его тело было полупрозрачным, мерцающим, как марево над горячей дорогой. Вокруг него кружились невидимые вихри, и каждый шаг отдавался шёпотом — множеством голосов, нащёптывающих обрывки слов на разных языках.

Второй был из света. Его кожа сияла, переливаясь золотым, белым, серебряным. Глаза были как два маленьких солнца. За его спиной дрожали и множились тени — он сам отбрасывал их десятками.

Третий — из камня. Его тело было массивным, тёмно-серым, покрытым прожилками, как горная порода. Каждое движение отдавалось низким гулом, словно где-то глубоко под землёй ворочались тектонические плиты.

Четвёртый — из живой плоти. Высокий, смуглый, с венком из плюща на голове и глазами цвета молодой листвы. Его кожа дышала, пульсировала, цвела — на ней распускались и увядали крошечные цветы, тянулись и сворачивались побеги.

Четверо встали полукругом перед Ивой. Она смотрела на них, задрав голову, и не могла вымолвить ни слова.

— Это Хранители, — сказал Страж. — Вернее, то, что от них осталось. Когда-то они были первыми магами, открывшими стихии. Теперь они — воплощения этих стихий. Сама суть Шёпота, Мерцания, Тяжести и Крови.

— Зачем они здесь? — прошептала Ива.

— Чтобы учить тебя, — ответил тот, что из воздуха. Его голос звучал как сотня голосов, сплетённых в один. — Ты должна понять природу каждой стихии, чтобы управлять той силой, что их породила.

— Хаос — отец всего, — проговорил тот, что из света. Его голос был как звон хрусталя. — Мы — его дети. А ты станешь той, кто вернёт его в мир.

— Если справишься, — гулко добавил каменный. — Твой путь только начат.

Тот, что из плоти, ничего не сказал. Он просто улыбнулся — и на его ладони распустился алый цветок. Он протянул его Иве. Она взяла. Цветок был тёплым и пах розами.

— С завтрашнего дня, — сказал Страж, — каждый из них будет давать тебе уроки. Ты узнаешь, как тьма связана с воздухом, светом, камнем и жизнью. А я буду учить тебя главному: как соединять их воедино.

Ива прижала цветок к груди и посмотрела на Хранителей.

Ещё несколько недель назад она была изгнанницей. Пустой. Никчёмной.

А теперь четверо божеств стояли перед ней и готовились учить её тайнам мироздания.

— Я готова, — сказала она.

И Хранители кивнули.

Глава 6. Голос воздуха

Утром — или тем, что в замке называли утром, — Ива проснулась от прикосновения тени.

Белая треугольная маска склонилась над ней. Дымное тело слуги колыхалось, как занавеска на сквозняке. На столике уже стоял завтрак: свежий хлеб, масло, ягоды, травяной отвар. — Спасибо, — сказала она тени.

Маска качнулась — Ива уже знала, что это означает поклон, — и бесшумно вытекла за дверь.

Ива ела, глядя на серебряные прожилки, бегущие по потолку. Второй день в замке. Второй день её новой жизни. Камень в сумочке, которую она теперь почти не снимала, пульсировал ровно и спокойно. Как сердце. Как напоминание.

В коридоре её уже ждала другая тень — или та же самая, Ива пока не умела их различать. Безмолвно развернувшись, она повела Иву мимо фонтана с серебряным светом, мимо дверей библиотеки, к высокой арке с винтовой лестницей.

Башня Шёпота ждала.

Зал наверху был открыт серому небу Глубины.

Воздух здесь не стоял на месте — он струился кругами, свивался в спирали, пробегал по полу невидимой рябью. Ива чувствовала его кожей, волосами, кончиками пальцев. Каждое движение воздуха было словно прикосновение.

Посередине зала стоял Хранитель Шёпот. Его полупрозрачное тело переливалось, как марево над горячей дорогой, а вокруг кружились пылинки, травинки, лёгкие перья — и каждое двигалось по собственной орбите.

— Входи, пустая девочка, — сказал он своим многоголосым голосом, в котором смешивались шорох листвы, далёкий гром и чей-то забытый смех. — Сегодня я научу тебя слышать.

Ива сделала шаг вперёд.

— Я умею слышать.

— Ты умеешь слушать звуки, — поправил Шёпот. — А слышать — это другое. Звук — только верхний слой. Под ним — тишина. Под тишиной — мысль. Под мыслью — намерение. А под намерением — истина. Мы пойдём на самое дно.

Он поднял руку, и воздух вокруг Ивы сгустился, стал плотнее, словно обнял её невидимым покрывалом.

— Сядь.

Ива опустилась на гладкий пол.

— Закрой глаза.

Темнота приняла её, как старый друг.

— Теперь слушай моё дыхание.

Ива прислушалась. Шёпот дышал — но не как человек. Его дыхание было похоже на ветер в кронах, на вздох океана, на шелест травы в бескрайнем поле. Оно нарастало и стихало, и в нём проступали обрывки других звуков. Вот — детский смех. Вот — скрип старой двери. Вот — далёкий раскат грома.

— Что ты слышишь?

— Ваше дыхание, — сказала Ива. — Но в нём много всего. Смех. Гром. Голоса.

— Хорошо. Теперь слушай глубже. Пройди сквозь звуки.

Ива сосредоточилась. За смехом и громом, за ветром и голосами было что-то ещё — огромное, молчаливое, полное смысла. Тишина, внутри которой пульсировала мысль.

— Я слышу тишину, — прошептала она.

— Это первая ступень. Теперь слушай тишину.

Ива слушала. И тишина заговорила — не словами, а образами. Она увидела себя со стороны. Увидела замок, Глубину, мир далеко наверху — поля, реки, деревни, города. Всё это было связано невидимыми нитями, и каждая нить дрожала от звуков, которых люди никогда не слышали.

— Под тишиной — мысль, — сказал Шёпот. — Мысль мира. Мысль стихий. Мысль Хаоса. Слышишь ли ты её?

Ива потянулась глубже. Это было трудно — как пытаться разглядеть дно реки, полной тёмного ила. Но там, на глубине, что-то было. Огромное. Медленное. Оно не говорило словами. Оно просто было. И в нём была печаль. И ожидание. И надежда.

— Я чувствую, — сказала она. — Но не слышу.

— Уже довольно. Мысль Хаоса слишком велика для человеческого уха. Но ты можешь настроиться на неё, как на волну. Для этого нужно перестать быть человеком. Хотя бы на миг.

— Как это?

Шёпот приблизился. Его бесплотная рука коснулась лба Ивы — и её тело начало растворяться. Не исчезать, а словно переставать быть твёрдым. Она стала воздухом. Стала ветром. Стала дыханием.

И тогда она услышала.

Голос Хаоса был похож на звук, с которого начался мир. Низкий, бесконечно глубокий, пронизывающий всё сущее. В нём была тьма — но не страшная, не враждебная. Родная. Как голос матери, которую ты никогда не знал, но всегда помнил.

— Ты слышишь, — произнёс Шёпот. — Запомни этот звук. Он — ключ. Когда ты научишься воспроизводить его, тьма будет откликаться.

Ива запоминала всем своим существом.

Через несколько мгновений её тело снова стало твёрдым. Она открыла глаза и обнаружила, что сидит на полу, а по щекам текут слёзы.

— Почему я плачу? — спросила она.

— Потому что ты услышала правду, — ответил Шёпот. — А правда всегда трогает.

Урок длился долго.

Шёпот учил её различать слои звука. Поверхностный — тот, что лежит на виду. Глубинный — тот, что прячется под словами. Скрытый — тот, что даже не звук, а предчувствие звука. Учил находить тишину внутри шума и шум внутри тишины.

— Воздух — это стихия связи, — говорил он. — Через него летят слова. Через него души находят друг друга. Тьма тоже движется воздухом — она течёт туда, где нет света, но есть пространство. Овладеешь воздухом — направишь тьму, куда пожелаешь.

К концу занятия Ива выучила первое заклинание. Даже не заклинание — скорее, особый звук. Тихий, горловой, похожий на шёпот ветра в печной трубе. Когда она издала его, тьма в углу зала дрогнула и поползла к ней.

— Хорошо, — сказал Шёпот. — На сегодня довольно.

Ива спустилась по винтовой лестнице.

В ушах всё ещё звучал голос Хаоса — далёкий, как воспоминание о сне. Она шла по коридору, чувствуя странную, звенящую усталость. Не телесную — умственную. Будто её разум растянули и сложили обратно, но теперь он стал немного другим.

Она вдруг поняла, что замок больше не молчит.

Нет, громких звуков не прибавилось. Но тишина стала глубже и отчётливей. Ива слышала, как дышит камень стен — медленно, тяжело. Как перетекает серебряный свет в фонтане. Как где-то далеко, в недрах земли, ворочается Печать.

А ещё она слышала шаги. Лёгкие, как дуновение. За спиной.

Ива обернулась. Слуга-тень стоял в нескольких шагах, белая маска чуть наклонена вперёд — вопросительно. Дымное тело струилось и переливалось.

— Ты идёшь за мной? — спросила Ива.

И услышала ответ. Не словами — скорее, шёпотом, похожим на движение сухой листы по мостовой. Тихий, почти неслышный голос, идущий не из-под маски, а словно отовсюду сразу.

— Да охраняю

Ива замерла.

— Ты говоришь? — выдохнула она. — Вы все говорите?

Тень колыхнулась. Голос прозвучал снова — чуть яснее, чуть ближе.

— Мы всегда говорили ты раньше не слышала

Ива стояла в коридоре, глядя на белую маску, и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Она не знала, плакать ей или смеяться. Она слышала! Она действительно слышала тех, кого никто не слышал!

— Как тебя зовут? — спросила она тихо.

— У нас нет имён только служба

— Можно я буду звать тебя Дымка?

Тень помедлила. Потом маска наклонилась вперёд — не поклон, а скорее, медленный, полный достоинства кивок.

— Дымка хорошо

Вечером Ива пришла в трапезную.

Страж уже сидел за длинным чёрным столом. Перед ним стояла чаша с тёмным отваром, но он не пил — просто смотрел на пар, поднимающийся над поверхностью.

— Ты слышала слуг, — сказал он, не оборачиваясь.

Ива села напротив.

— Да. Слышала. После урока что-то изменилось. Я стала слышать то, чего не слышала раньше.

— Шёпот хорошо поработал, — сказал Страж. — Он открыл твой внутренний слух. Теперь ты слышишь суть вещей, а не только их поверхность.

— Почему я раньше не слышала? Они же были здесь всё время.

— Потому что ты была как все, — ответил Страж. — Слушала только ушами. А теней можно услышать только тишиной. Теперь ты умеешь.

Ива помолчала. Потом спросила:

— Кто они такие? Эти слуги?

Страж отпил из чаши.

— Когда-то они были магами. Учениками, которые пришли сюда вместе со мной. Они хотели помочь запереть Хаос, но оказались слишком слабы. Их Искры сгорели, а тела растворились. Остались только тени. Я дал им маски, чтобы они могли помнить, кем были когда-то.

— Они помнят?

— Нет. Осталась только служба. Но, возможно, с твоим приходом что-то изменится. Ты, Ива, меняешь всё, к чему прикасаешься.

Ива опустила глаза. Дымка — она дала имя тому, у кого его никогда не было. И тень приняла его. Что-то в этом было правильно. Что-то очень важное.

— Завтра урок с Мерцанием, — сказал Страж. — Он будет другим. Шёпот открыл тебе слух. Мерцание откроет зрение. Ты будешь видеть свет и тьму так, как не видит никто в Эфемерисе.

— Тьму?

— Да. Свет — это не только то, что сияет. Свет — это то, что рождается из тьмы. И ты научишься это видеть.

Ива кивнула. Она чувствовала, как внутри неё разгорается странное предвкушение — смесь страха и восторга. Ещё три луны назад она была изгнанницей, пустой, ненужной. А теперь она слышит неслышимое и завтра будет учиться видеть невидимое.

Страж поднялся.

— Иди спать. Ты хорошо поработала сегодня.

— Спокойной ночи, — сказала Ива.

— В Глубине нет ночи, — ответил Страж. — Но пусть будет спокойной.

Ива вернулась в свою комнату. Дымка проводила её до дверей и замерла у порога. Белая маска чуть качнулась.

— Спокойной ночи, Дымка, — сказала Ива.

— Спокойной — прошелестел голос тени, тихий, как вздох.

Ива легла в кровать. Серебряные прожилки на потолке пульсировали медленно, убаюкивающе. Камень в сумочке, которую она положила рядом на подушку, был тёплым и спокойным.

Она закрыла глаза.

Завтра её ждал свет.

Глава 7. Глаза, что видят суть

Утро началось со света.

Ива проснулась не от прикосновения Дымки, а оттого, что комната вдруг наполнилась тёплым золотистым сиянием. Не резким, не слепящим — мягким, как летний полдень. В Глубине, где вечно царил серый сумрак, это было почти чудом.

Она села на кровати. У двери уже ждала Дымка, её треугольная маска блестела в золотых лучах.

— Доброе утро, Дымка, — сказала Ива.

— Доброе утро госпожа — прошелестел голос тени. Каждое слово звучало всё отчётливей — то ли слух Ивы продолжал обостряться, то ли Дымка и вправду говорила яснее.

— Откуда этот свет?

— Мерцание ждёт

Ива быстро оделась, наскоро позавтракала и вышла в коридор. Золотой свет струился по серебряным прожилкам стен, заставляя их пульсировать быстрее и ярче. Он вёл её через анфиладу залов, мимо фонтана (сегодня его струи казались расплавленным золотом), пока не привёл к высокой арке, за которой начиналась лестница.

Но не та, что вела в башню Шёпота. Другая — спиралью уходящая вниз.

Ива спускалась долго. Воздух становился всё теплее, всё гуще. Серебряные прожилки на стенах сменились золотыми. А потом лестница кончилась, и Ива вышла в зал, которого раньше не видела.

Зал Мерцания был круглым и огромным, как и все главные залы замка, но стены его были не из чёрного камня. Они были из зеркал. Сотни, тысячи зеркал — больших и маленьких, круглых, квадратных, овальных, в рамах и без рам. Они покрывали стены, потолок, даже пол. Свет, неведомо откуда льющийся, дробился в них, отражался, множился, и всё пространство было наполнено танцующими бликами.

В центре зала стоял Хранитель Мерцание.

Его тело сияло так ярко, что Ива невольно зажмурилась. Кожа переливалась золотым и серебряным, глаза были как два маленьких солнца, а за спиной дрожали и множились тени — десятки теней, хотя источник света был только один.

— Входи, пустая девочка, — сказал он. Его голос звенел, как хрустальный колокольчик, и каждый звук рождал в зеркалах новую вспышку. — Вчера Шёпот открыл твой слух. Сегодня я открою твоё зрение.

Ива сделала шаг вперёд. Её отражения — растерянные, с распахнутыми фиолетовыми глазами, в простом сером платье — смотрели на неё из сотни зеркал одновременно.

— Что я должна делать?

— Для начала — смотреть.

Мерцание поднял руку, и зал наполнился светом. Ослепительным. Всепоглощающим. Ива вскрикнула и закрыла глаза ладонями, но свет проникал сквозь пальцы, сквозь веки, сквозь саму кожу. Она чувствовала его — тёплый, настойчивый, заполняющий каждую клетку.

— Не отворачивайся, — прозвенел голос Мерцания. — Чтобы видеть свет, нужно научиться не бояться его.

— Я не боюсь, — прошептала Ива, опуская руки.

— Тогда смотри.

Она открыла глаза. Свет был нестерпимым. Из глаз брызнули слёзы. Но она заставила себя смотреть.

И постепенно свет начал меняться.

Она увидела, что он не однороден. В нём были слои — как в звуке, который показывал Шёпот. Верхний слой был белым, горячим, почти грубым. Под ним — золотой, мягкий, струящийся. Ещё глубже — серебряный, прохладный, похожий на лунные блики на воде. А в самой сердцевине

— Тьма? — выдохнула Ива.

— Да, — сказал Мерцание. — В сердце самого яркого света всегда лежит тьма. А в сердце тьмы — свет. Они не враги. Они — две стороны одной монеты.

Свет начал гаснуть. Медленно, слой за слоем. И скоро зал погрузился в полную темноту. Даже зеркала не отражали ничего.

— Теперь смотри во тьму, — раздался голос Мерцания.

— Я ничего не вижу.

— Потому что ты всё ещё смотришь глазами. У тебя есть другое зрение. Пустотное зрение. Шёпот открыл твой слух — и ты слышала голоса теней. Теперь я открою твой взгляд — и ты увидишь то, что скрыто.

Ива почувствовала прикосновение. Горячее. Лёгкое. Кончики пальцев Мерцания коснулись её век.

И она прозрела.

Это было не похоже на обычное зрение. Мир вокруг не стал светлее — но она видела. Всё было соткано из теней и оттенков. Зеркала на стенах светились собственным холодным светом — не отражённым, а внутренним. Пол пульсировал глубоким фиолетовым. А сам Мерцание

Ива ахнула.

В её новом зрении он был не золотым. Он был чёрным. Абсолютно чёрным, как обсидиан, как камень в её сумочке, как сама Глубина. И внутри этой черноты горела одна-единственная искра — крошечная, белая, невероятно яркая.

— Вы — прошептала она. — Вы тоже из Хаоса.

— Все мы из Хаоса, — ответил Мерцание. — Шёпот, Тяжесть, Кровь, я. Стихии — это дети Хаоса. А свет и тьма — его дыхание. Ты видишь истину теперь. Смотри на меня внимательно. Что ты видишь?

— Вижу тьму. А внутри неё — свет.

— Запомни это. Свет, который ты видишь во мне, — это Искра. Та самая, которую маги называют даром. Но это не дар. Это осколок Хаоса, завёрнутый в свет. У каждого мага в Эфемерисе внутри Искры — такая же тьма. Они просто не умеют её видеть.

— А я умею?

— Ты — да. Потому что ты пустая. Ты смотришь на мир без фильтров. Без Искры, которая застилает взгляд. Теперь иди по залу. Смотри на зеркала. И скажи мне, что ты видишь.

Ива медленно пошла вдоль стен. В каждом зеркале она видела теперь не своё отражение. В каждом зеркале была своя картина.

В первом — деревня Шелест. Люди с Искрами, но Искры выглядели иначе: не светящиеся зверьки и птицы, а сгустки тьмы, закованные в сияющие оболочки. Ива видела их страх. Их голод. Их жажду.

Во втором — Мастер Корень. Его Искра-Корень пульсировала в груди, и внутри неё тоже была тьма — спокойная, умиротворённая, как садовая земля после дождя.

В третьем — её родители. Отец с Искрой-камнем. Мать с Искрой-лентой. Их тьма была тусклой, сжатой, словно пристыжённой. Ива задержалась у этого зеркала дольше, чем хотела бы.

— Не задерживайся на том, что причиняет боль, — мягко сказал Мерцание. — Смотри дальше.

Она шла и смотрела. На людей, на зверей, на деревья — всё в мире было пронизано тьмой, укрыто светом. И она видела это. Видела суть.

Последнее зеркало было самым большим. В полный рост. Ива подошла к нему и замерла.

В зеркале стояла она сама. Но не такая, как раньше. Её тело было соткано из чистой, живой тьмы — глубокой, бархатной, тёплой. Внутри этой тьмы не было искры. Вообще. Только в груди пульсировал чёрный сгусток — плотный, как Осколок Хаоса, и от него расходились тёплые волны.

— Это я? — спросила она.

— Это твоя суть, — ответил Мерцание. — Ты — не пустая. Ты — цельная. В тебе нет искры, потому что ты сама — Искра. Хаос, принявший человеческую форму.

Ива подняла руку. Отражение подняло руку тоже. Тьма в зеркале двигалась плавно, послушно, как часть её самой.

— Я красивая? — спросила она вдруг. И тут же смутилась.

Мерцание улыбнулся. Его тёмное лицо в её новом зрении осветилось внутренним сиянием.

— Ты — самая красивая из всего, что я видел за две тысячи лет, — сказал он. — Потому что ты — целая.

Урок продолжался.

Мерцание учил её переключаться между обычным зрением и пустотным. Сначала это было трудно — глаза отказывались видеть иначе, голова кружилась, перед глазами плыли пятна. Но постепенно Ива научилась.

— Пустотное зрение покажет тебе ложь, — говорил Мерцание. — Люди носят маски, как мои слуги. Но если ты согласишься на них истинным зрением, ты увидишь, что скрыто под маской. Увидишь страх, злобу, любовь. Увидишь правду.

К концу урока Ива совершенно выбилась из сил. Она сидела на полу в окружении зеркал, и голова её гудела, как после долгой работы.

— На сегодня довольно, — сказал Мерцание. — Ты научилась видеть. Завтра тебя ждёт Тяжесть. Он будет учить тебя стоять.

— Стоять?

— Да. Когда тьма ударит в тебя, ты должна устоять. Но это завтра. А теперь иди.

Ива поднялась и поклонилась — неловко, неумело, но от души.

— Спасибо.

Мерцание кивнул.

— Когда вернёшься в свою комнату, посмотри в зеркало. Обычное. Своими новыми глазами. Увидишь кое-что важное.

Вечером Ива сидела на кровати.

Дымка принесла ужин и теперь стояла у двери, ожидая распоряжений. Ива ела рассеянно. Мысли её были заняты уроком, зеркалами, тьмой внутри света и светом внутри тьмы.

— Дымка, — позвала она. — Можно тебя кое о чём спросить?

— Да госпожа

— Ты была магом? До того, как стала тенью?

Дымка долго молчала. Её дымное тело колыхалось медленно, задумчиво.

— Не помню — прошелестела она наконец. — Только образы как сон Иногда вижу солнце Иногда — чьё-то лицо Но чьё — не знаю

— Тебе грустно?

— Нет Я служу Это всё, что осталось Но ты дала мне имя Теперь я — Дымка Это больше, чем было раньше

Ива встала и подошла к зеркалу в углу комнаты. Обычное зеркало в деревянной раме, ничем не примечательное. Она посмотрела в него обычным зрением — увидела усталую девушку с длинными чёрными волосами, в сером платье.

А потом включила пустотное зрение.

И ахнула.

В зеркале, за её спиной, стояла Дымка. Но теперь Ива видела не бесформенное дымное тело. Она видела девушку. Молодую, почти прозрачную, с мягкими чертами лица и глазами, полными тихой печали. И — треугольную маску в руке.

Дымка не носила маску. Она держала её.

Ива обернулась. В обычном зрении у двери стояла тень с белой маской. В пустотном — девушка, смотрящая на неё с надеждой.

— Ты видишь — прошелестела Дымка. — Ты видишь меня

— Вижу, — сказала Ива.

И впервые за долгое время Дымка — бывший маг, чьё имя забыто, чьё лицо стёрто, — выпрямилась и стала чуть менее прозрачной.

Глава 8. Корни и камни

Ива проснулась с ощущением тяжести.

Не телесной — иной. Будто на грудь положили гладкий речной камень, и он лежит там, тёплый, неподвижный, и дышать приходится чуть глубже, чуть медленнее.

Она села на кровати. Дымка уже стояла у двери — как всегда, бесшумная, с белой маской, чуть наклонённой вперёд.

— Тяжесть ждёт госпожа — прошелестела она.

— Доброе утро, Дымка.

— Доброе утро

Ива быстро позавтракала, глядя на серебряные прожилки потолка. Сегодня они пульсировали медленнее обычного. Словно весь замок налился тяжестью и двигался с трудом.

«Тяжесть — это стихия земли и камня, — вспоминала она слова Мастера Корня. — Самая терпеливая и самая неумолимая».

Дымка проводила её через внутренний двор — мимо фонтана, чьи струи сегодня текли медленно, как густой мёд, — и остановилась у низкой арки, которой Ива раньше не замечала. Арка вела не вверх и не вниз, а прямо — в толщу чёрной стены.

— Туда? — спросила Ива.

— Да Он там

Ива шагнула в темноту.

Коридор был узким и длинным. Стены здесь не пульсировали серебром — они были просто чёрным камнем, гладким и холодным. Воздух становился всё тяжелее с каждым шагом. Не спёртым — именно тяжёлым. Плотным. Ива чувствовала его на плечах, на спине, на веках. Каждый шаг давался труднее предыдущего.

Наконец коридор расширился, и Ива вышла в зал.

Он был вырублен прямо в скале — не построен, а высечен. Ни единого шва, ни единой трещины. Неровные стены, покрытые прожилками горных пород, уходили вверх и смыкались в неровный свод. Пол был устлан каменной крошкой. И повсюду — большие и малые валуны, стоящие, лежащие, наклонённые, словно застывшие в движении.

Хранитель Тяжесть стоял в центре зала.

Он был огромен — вдвое выше Ивы, с телом, похожим на монолит тёмного гранита. Его кожа была покрыта прожилками — не серебряными, как стены замка, а медными, глубокими, светящимися тусклым оранжевым. Глаза его горели ровным красноватым огнём — как угли, что тлеют под слоем пепла. Каждое его движение сопровождалось низким гулом, от которого дрожала каменная крошка на полу.

— Пришла, — сказал он. Его голос был похож на далёкий обвал.

— Пришла, — ответила Ива, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Вчера ты научилась видеть суть, — пророкотал Тяжесть. — Сегодня ты научишься стоять. Когда тьма ударит — устоишь ли ты?

— Я готова.

— Посмотрим.

Тяжесть поднял руку — медленно, как движется горный ледник. Из его ладони вытекла тьма. Не лёгкая, не дымная — густая, как смола, тяжёлая, как расплавленный металл. Она упала на пол и растеклась лужей, а потом начала подниматься, принимать форму. Через несколько мгновений перед Ивой стоял Морок.

Она никогда не видела его так близко. Только слышала рассказы — обрывками, в деревне, когда кто-то шептался о нападениях на дальние хутора. Тень, сотканная из густой черноты, с неясными очертаниями головы и длинными конечностями. От него веяло холодом и давлением. Он не нападал — пока. Просто стоял и смотрел.

— Это — малая тень, — сказал Тяжесть. — Крошка Хаоса, прорвавшаяся сквозь Печать. Такие бродят по Эфемерису и высасывают Искры. Ты слышала о них.

— Да, — сказала Ива. — Но никогда не видела.

— Теперь видишь. Сейчас он не может причинить тебе вред — ты под моей защитой. Но я хочу, чтобы ты встретила его. Не как жертва. Не как изгнанница. Как хозяйка.

— Что я должна делать?

— Прикажи ему. Мысленно. Как учил Шёпот — услышь его. Как учил Мерцание — увидь его суть. А теперь — повелевай.

Ива сделала шаг к Мороку. Тот заколебался, его очертания пошли рябью, словно он не мог решить, нападать или бежать. В обычном зрении он был просто сгустком тьмы. В пустотном — дрожащим существом, растерянным и голодным. Не злым. Голодным.

Ива включила слух — тот, глубинный, которому научил Шёпот. И услышала Морока. Он не говорил. Он тосковал. Тонкая, звенящая нота — как ветер в пустом доме, как голос брошенного ребёнка.

— Ты голоден, — сказала она вслух. — Ты хочешь домой.

Морок дрогнул.

Ива вспомнила голос Хаоса — тот самый, что слышала в башне Шёпота. Низкий, глубокий, родной. Она воспроизвела его внутри себя — не голосом, а мыслью, намерением. И Морок услышал.

Он замер. Перестал дрожать. Медленно, неуверенно, как пёс, который боится поверить, что его больше не ударят, он приблизился к Иве. Его тёмная дымная лапа коснулась её руки — и Ива почувствовала холод. Но не враждебный. Скорее, благодарный.

— Хорошо, — пророкотал Тяжесть. — Ты приручила малую тень. Теперь — большая.

Он снова поднял руку. Из его ладони вытекла ещё одна лужа тьмы, но на этот раз она была больше. Гораздо больше. Морок, поднявшийся из неё, был вдвое выше первого и втрое плотнее. Его очертания не дрожали — они были резкими, острыми, как обломки скал. Он не колебался. Он напал.

Тьма ударила Иву в грудь.

Она отлетела назад и рухнула на каменную крошку. Дыхание перехватило. Холод пронизал до костей — не ледяной, а какой-то глубинный, как вода на дне колодца. Тьма давила, прижимала к полу, не давала подняться. Морок нависал над ней, огромный, беспощадный, и Ива чувствовала, как он тянется к её сердцу — не к тому, что бьётся в груди, а к чему-то глубже. К её пустоте. К её сути.

— Вставай, — прогудел Тяжесть. Он не двигался с места. — Тьма тяжела. Если ты не устоишь под ней — она раздавит тебя. Ищи опору.

Но Ива не могла искать опору вовне. Всё, чему её учили — слух, зрение, — сейчас казалось далёким и бесполезным. Морок был сильнее. Он был самой Тяжестью, и он хотел поглотить её.

И тогда внутри неё что-то перевернулось.

Не страх. Не боль. Злость.

Чистая, раскалённая ярость поднялась из самой глубины. На тех, кто вышвырнул её. На родителей, что ушли не оглянувшись. На мир, что назвал её пустой. На эту тень, что смеет нападать на неё в её собственном доме.

— Нет, — выдохнула Ива.

Она перестала сопротивляться тяжести. Перестала искать опору. Вместо этого она потянулась внутрь себя — туда, где пульсировал чёрный камень в сумочке на поясе. Туда, где спала её собственная тьма — не чужая, не насланная, а родная. Та, что была с ней всегда. Та, что ждала.

И тьма отозвалась.

Ива вскинула руки — и из её ладоней вырвались чёрные сгустки. Они были плотными, как смола, и быстрыми, как молнии. Они ударили Морока в грудь — и прошли насквозь. Тень закричала. Не голосом — всем своим существом. Высокий, режущий звук разнёсся по залу. Чёрные сгустки рвали Морока на части — не рассеивали, а именно разрывали, как рвут гнилую ткань.

— Уходи, — сказала Ива. Голос её был тихим, но в нём звенела сила, какой она никогда раньше не знала. — Убирайся.

Морок рассыпался. Не растаял — разлетелся чёрными ошмётками, которые втянулись обратно в ладонь Тяжести. Через мгновение в зале не осталось ничего, кроме каменной крошки на полу и тишины.

Ива стояла, всё ещё держа руки перед собой. Из ладоней поднимался лёгкий чёрный дымок — её собственная тьма, ещё не остывшая. Она тяжело дышала, но стояла. И внутри неё пульсировала новая сила — не лёгкая, как воздух, не яркая, как свет, а плотная, глубокая, яростная. Как сама земля, готовая разверзнуться под ногами врага.

Тяжесть медленно опустил руку. Его глаза горели ярче прежнего.

— Ты не просто устояла, — пророкотал он. — Ты победила.

— Я не знала, что могу так, — сказала Ива. Голос её дрожал.

— Ты не знала, — согласился Тяжесть. — Но тьма в тебе знала. Ты выпустила её — и она признала тебя хозяйкой.

— Это и есть моя сила?

— Часть её. Та, что отвечает Тяжести. Та, что разит, а не только принимает. Запомни этот миг, пустая девочка. Это миг, когда ты перестала быть сосудом и стала оружием.

Ива опустила руки. Дымок рассеялся. Она чувствовала, как внутри неё медленно остывает ярость, оставляя после себя усталость — глубокую, но не опустошающую. Скорее, как после долгого пути.

— Это третий урок, — сказал Тяжесть. — Шёпот дал тебе слух. Мерцание дало тебе зрение. Я дал тебе опору и удар. Теперь ты знаешь: когда тьма нападёт — ты можешь не только выстоять, но и ответить.

— Но это была только малая тень, — сказала Ива. — А Хаос Он же в тысячи раз сильнее.

— Да, — согласился Тяжесть. — Но ты — его хозяйка, а не слуга. Тьма подчиняется тебе, а не ты ей. Запомни это.

Ива кивнула. Тело болело. Колени дрожали. Но внутри неё что-то изменилось. Будто вырос невидимый стержень — не из металла, а из камня. Из корня. Из того, что держит горы и не даёт им упасть. И этот стержень мог не только держать, но и бить.

Вечером она сидела в трапезной.

Страж, как всегда, был там — молчаливый, закутанный в плащ из живой тьмы. Сегодня его глаза светились немного ярче.

— Тяжесть доволен, — сказал он. — Говорит, ты справилась быстрее, чем он ожидал. И жёстче.

— Я разозлилась, — сказала Ива. — Он напал, и я просто выпустила.

— Ты выпустила свою тьму, — кивнул Страж. — Не чужую — свою. Это важный шаг. Принимать тьму — одно. Направлять её — другое. Ты сделала и то, и другое.

— Я не думала, что смогу убить Морока.

— Мороки не живые, — сказал Страж. — Они — осколки Хаоса без воли и разума. Ты не убила его. Ты развеяла. Вернула в источник. Это не разрушение — это восстановление равновесия.

Ива задумалась. Ей всё ещё было немного не по себе от того, с какой лёгкостью чёрные сгустки вырвались из её рук. Но в то же время она чувствовала — впервые — что она не жертва. Что она может постоять за себя.

— Завтра урок с Кровью? — спросила она.

— Да. Это будет самый сложный урок. Кровь — стихия жизни. Она покажет тебе твою боль. Твою потерю. Твою рану. И ты должна будешь её исцелить.

— Я не боюсь боли, — тихо сказала Ива.

— Боль — не самое страшное, — ответил Страж. — Страшнее — пустота, которую оставляет боль. Но ты, Ива, знаешь пустоту лучше, чем кто-либо. Возможно, именно это и станет твоей силой.

Ива долго сидела молча, глядя на пар, поднимающийся над чашей Стража.

Потом спросила:

— А что было с вами? Когда вы были человеком?

Страж помолчал. Его серебряные глаза погасли на мгновение, а потом зажглись снова.

— Я потерял всё, — сказал он. — Любовь. Дом. Себя. Поэтому я остался здесь — чтобы помочь тебе не повторить моих ошибок.

— Каких ошибок?

— Я пытался запереть тьму. А нужно было выпустить.

Он поднялся и, не прощаясь, вышел из трапезной. Его плащ струился за ним, как чёрная река.

Ива осталась одна.

Вернувшись в комнату, она долго сидела на краю кровати. Усталость была глубокой, но сон не шёл. В голове крутились слова Стража: «Завтра — Кровь. Она покажет тебе твою боль». Ива думала о родителях. О деревне. О белом камне Обряда и о том, как мать отвела глаза. Эта боль была с ней всегда, как подземная река. Завтра ей предстояло войти в эту реку.

Она тряхнула головой, отгоняя мысли, и вдруг поняла, что в комнате слишком тихо. Дымка обычно ждала у двери, но сейчас её не было.

— Дымка, — позвала Ива. — Ты здесь?

Тень возникла из угла — дымное тело, белая треугольная маска. В обычном зрении она была бесформенным сгустком, но в пустотном — полупрозрачной девушкой с маской в руке.

— Да госпожа

— Принеси, пожалуйста, тёплой воды. И трав добавь — те, что пахнут лавандой.

Дымка поклонилась и вытекла за дверь. Вернулась она быстро — в её дымных руках покачивался медный таз, полный горячей воды. По поверхности плавали сушёные цветы лаванды, розмарина и ещё каких-то трав, названия которых Ива не знала. Пар поднимался густой, ароматный, успокаивающий.

— Спасибо, — сказала Ива. Она подошла к тазу, опустила в воду ладони. Тепло потекло вверх по запястьям, проникая в каждую жилку. Дымка стояла рядом, чуть наклонив маску — не то смотрела, не то ждала указаний.

И вдруг Ива подумала: «Она же не видит себя. Уже две тысячи лет не видит. Только маску».

— Дымка, — сказала она тихо. — Подойди к зеркалу.

Тень колыхнулась.

— Зеркало не показывает меня

— Покажет, — сказала Ива. — Я помогу.

Она взяла Дымку за дымную руку — та была прохладной и почти неосязаемой, как туман. Подвела к высокому зеркалу в углу комнаты. В обычном отражении была только Ива: высокая, бледная после долгого дня, с чёрными волосами, рассыпавшимися по плечам. Дымка не отражалась вовсе.

— Смотри, — сказала Ива.

Она закрыла глаза и потянулась внутрь себя. Туда, где тлела её собственная тьма — уже знакомая, уже послушная. Она не злилась сейчас, не защищалась. Она просто хотела дать Дымке увидеть себя. И тьма отозвалась — мягко, бережно.

Из ладоней Ивы вытекли тонкие струйки чёрного дыма. Не густого, не яростного — лёгкого, как вуаль. Они поплыли к Дымке и окутали её, словно покрывалом. Дымка дрогнула, но не отстранилась. Тьма обвилась вокруг её дымного тела, проникла внутрь — и начала сплетаться с её собственной сутью, с тем, что осталось от неё за две тысячи лет.

— Смотри в зеркало, — повторила Ива.

Дымка подняла маску.

И в зеркале — впервые за двадцать веков — отразилась она.

Не тень. Не дым. Девушка. Молодая, совсем юная, с мягкими чертами лица и огромными глазами, полными изумления. Волосы — светлые, почти прозрачные, как тонкий лён. Платье — старинное, из тех, что носили в Эфемерисе давным-давно. И маска — уже не на лице, а в опущенных руках. Белая, треугольная, ненужная больше.

Дымка замерла. Её отражение подняло руку и коснулось своего лица — щеки, губ, бровей. Словно вспоминая то, что давно забыла.

— Это я — прошелестела она.

— Да, — сказала Ива. — Это ты.

Руки Дымки дрогнули. Медный таз накренился — и с грохотом рухнул на пол. Горячая вода хлынула по каменным плитам, ароматические травы рассыпались, потекли вместе с водой к порогу. Лаванда, розмарин, ещё что-то душистое — мокрые, тёмные, они устилали пол, как опавшие лепестки.

Дымка этого не заметила. Она стояла перед зеркалом и плакала — без слёз, без звуков. Просто её дымное тело светилось и трепетало, а отражение смотрело на неё и плакало вместе с ней.

— Я помню, — сказала она вдруг. Голос её стал яснее, твёрже. — Я помню своё имя.

Ива стояла рядом, не двигаясь. Вода уже растеклась по всей комнате. Травы пахли так, словно здесь, в Глубине, вдруг расцвёл сад.

— Меня звали Лира, — сказала Дымка. И замолчала, словно пробуя имя на вкус.

— Лира, — повторила Ива. — Красивое имя.

Дымка — Лира — повернулась к ней. В пустотном зрении Ива видела, как её лицо медленно наполняется жизнью. Не тень. Не слуга. Человек, который когда-то был магом, когда-то потерял себя, а теперь — нашёл.

— Ты вернула меня, — прошептала Лира. — Ты даже не знаешь что ты сделала

— Я просто хотела, чтобы ты себя увидела, — сказала Ива. — Ты заслужила.

Лира опустилась на колени — прямо в лужу ароматной воды, прямо в мокрые травы. Её дымное тело стало плотнее, отчётливее. Маска лежала на полу, и вода обтекала её, не касаясь.

— Две тысячи лет, — сказала Лира. — Я помню солнце. Помню, как пришла сюда с учителем. Помню ритуал. Помню, как моя Искра погасла. А потом — только служба. Только тишина.

— Теперь ты не одна, — сказала Ива. — Я здесь.

Лира подняла на неё глаза — и впервые за две тысячи лет на её лице появилось что-то похожее на улыбку.

— Ты — дверь, — сказала она. — Ты открываешь не только Хаос. Ты открываешь нас.

Они долго сидели так: Ива на краю кровати, Лира на полу, среди рассыпанных трав и остывающей воды. Воздух в комнате был густым от аромата лаванды и розмарина. И где-то глубоко-глубоко, под полом, под камнем, под корнями гор — Печать дышала всё так же ровно и спокойно. Но теперь её дыхание казалось чуть теплее.

Позже, когда вода была вытерта, травы собраны, а Лира ушла — уже не тенью, а почти осязаемым существом, — Ива села на край кровати и долго смотрела на закрытую дверь.

Всё изменилось. За один вечер она не только впервые выпустила свою тьму против врага, но и впервые направила её на исцеление. И это второе было во сто крат важнее.

В дверь постучали. Не тень — стук был твёрдым, отчётливым.

— Войдите, — сказала Ива.

Дверь отворилась, и вошёл Страж. Его высокий силуэт занимал почти весь проём. Плащ из живой тьмы струился за ним, серебряные глаза горели ярче обычного. Он оглядел комнату — ещё влажный пол, разбросанные у порога лепестки лаванды, медный таз, стоящий у стены, — и перевёл взгляд на Иву.

— Я видел, — сказал он. — Чувствую.

— Вы про Лиру?

— Да. — Страж прошёл к стулу у окна и сел. Двигался он тяжело, словно нёс на плечах невидимый груз. — Две тысячи лет она была тенью. А теперь — Лира. Благодаря тебе.

Ива поджала ноги, обхватила колени руками.

— Я не знала, что так можно. Я просто хотела, чтобы она увидела себя.

— Ты окутала её своей тьмой и вернула ей то, что она потеряла, — сказал Страж. — Ты понимаешь, что это значит?

Ива покачала головой.

— Нет. Не до конца.

Страж помолчал. Его пальцы — длинные, бледные — лежали на подлокотнике стула, и тьма вокруг них чуть заметно пульсировала.

— Когда мы запирали Хаос, было двенадцать магов. Я — тринадцатый. Я отказался участвовать в последнем ритуале, и меня оставили здесь. Но те двенадцать — они довели дело до конца. Их Искры сгорели, тела распались, а души стали тенями. Без памяти. Без лиц. Без имён. Они даже не помнили, кем были.

— Но Лира вспомнила, — сказала Ива.

— Да. И это значит, что ты способна на то, на что не был способен никто из нас. Даже я. Ты не просто управляешь тьмой. Ты исцеляешь её. Ты возвращаешь то, что казалось потерянным навеки.

Ива опустила глаза. Камень в сумочке, лежащей рядом, пульсировал медленно, ровно, как спокойное сердце.

— Значит, я могу вернуть и других? — спросила она. — Остальных одиннадцать?

— Возможно, — сказал Страж. — Если захочешь. Если хватит сил. Но это — твой выбор. Не обязанность.

Ива подумала о других тенях, что служили в замке. О безмолвных фигурах в белых масках, что приносили еду, застилали постель, зажигали свет. Они тоже когда-то были людьми. Тоже потеряли себя. Тоже ждали — сами того не зная.

— А что теперь будет с Лирой? — спросила она. — Она останется здесь?

— Это тоже её выбор, — ответил Страж. — Она снова обрела себя, а значит, обрела и волю. Может остаться. Может уйти. Может стать кем-то иным. За две тысячи лет она заслужила право решать.

Ива кивнула. Потом вдруг спросила:

— А другие тени? Они тоже могут вспомнить?

— Не сразу. И не все. Но твоя тьма зажгла что-то во всём замке. Ты разве не чувствуешь? Ива прислушалась к себе. К тем тонким нитям, что тянулись от неё во все стороны. Она почувствовала Лиру — светлое пятно где-то в коридоре. А за ним — другие, пока ещё тусклые, но уже чуть более отчётливые, чем прежде. Словно кто-то протёр запылённое стекло.

— Чувствую, — прошептала она. — Они ждут.

— Да, — сказал Страж. — Они ждали тебя две тысячи лет. И теперь, когда ты здесь, замок просыпается.

Он поднялся. Его плащ всколыхнулся и заструился к порогу.

— Завтра у тебя урок с Кровью. Это будет самый трудный день. Но после того, что ты сделала сегодня, я думаю — ты справишься.

— Вы верите в меня? — спросила Ива.

Страж задержался в дверях. Его серебряные глаза блеснули — и в них было что-то, чего Ива не видела раньше. Не суд. Не оценка. Тепло.

— Да, Ива из рода Ветров, — сказал он. — Я верю в тебя.

Дверь закрылась.

Ива легла в кровать. Серебряные прожилки на потолке пульсировали ровно, но сегодня в их ритме было что-то новое. Не просто свечение. Дыхание. Словно весь замок дышал вместе с ней.

Камень в сумочке был тёплым и спокойным. Где-то в коридоре, далеко-далеко, раздались лёгкие шаги — не бесшумное скольжение тени, а настоящие шаги. Лира ходила по замку. Впервые за две тысячи лет.

Ива закрыла глаза.

— Я вернула одну, — прошептала она. — Осталось одиннадцать.

Сон пришёл быстро. На этот раз в нём был сад. Живой, цветущий, полный голосов, которых она пока не могла разобрать. Но она знала: скоро разберёт.

Глава 9. Кровь и пепел

Утро началось с тишины.

Не той обычной тишины Глубины, к которой Ива уже привыкла, а другой — глубокой, вязкой, как вода в стоячем пруду. Она проснулась и сразу поняла: сегодня что-то изменится. В воздухе пахло гарью — не едкой, а далёкой, как от костра, который погасили много лет назад, но угли ещё тлеют.

Лира уже ждала у двери. Без маски. Светлое лицо, почти прозрачное, но уже отчётливое. В руках — поднос с завтраком.

— Доброе утро, госпожа, — сказала она. Голос стал чище, увереннее.

— Доброе утро, Лира. — Ива села на кровати и взяла с подноса чашу с травяным отваром. — Ты не обязана прислуживать. Ты больше не тень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.